

Наталья Бердская

СФУМАТО

Игра тени и света

Москва 2024

18+

Наталья Бердская

Сфумато

«Автор»

2025

Бердская Н.

Сфумато / Н. Бердская — «Автор», 2025

В жизнь молодой журналистки ворвался не кто иной, как сам Михаил Афанасьевич Булгаков: «Пророческие тени булгаковских мыслей проникают в подсознание и хозяйничают в подкорке с силой шаманского бубна». И на определённом этапе, отлаженная жизнь Марины срывается со своей оси и чуть было не соскальзывает в пропасть. Когда она наслаждалась долей воздуха и солнца, в её жизнь врывается неведомая сила - притягивает, властвует и правит... Её справедливость обернулась злобой против неё и начала топтать и давить. Но Бог увидел её бьющейся в золотой клетке и показал дорогу от тени к свету. И любовь. Которая и есть — судьба. Нужно только разглядеть... В затуманенной, неясной, расплывчатой дымке сфумато.

© Бердская Н., 2025

© Автор, 2025

Наталья Бердская

Сфумато

ЧАСТЬ I ГИПОФИЗ В ГАЛСТУКЕ

«Всё запутанное тяготеет к ясности, а всё тёмное – к свету».
С. Цвейг

Между Мариной и Стасом прорисовывались жирными линиями непонятные контуры. Любовь – не любовь. Дружба – не дружба. Общались, пили кофе, иногда спали. Спали не от любви, а просто для здоровья и себялюбия. Смысла любви в их отношениях не прослеживалось. Хотя в любви разве может быть смысл? Нет. Любовь – это волновое состояние. Прилив. Отлив. А у Марины и Стаса ни прилива, ни отлива. Полный штиль.

«И опять всё закончилось в спальне!» – думала Марина, сидя на диване и поджав под себя ноги. – Ни страсти, ни ревности, ни трепетного ожидания встречи. Как десерт. Вроде иногда хочется, но много не съешь. Вот мёд, ведь сладкий. А послевкусие настоящего мёда – горчит. Так и у меня со Стасом: сначала мёд, а потом горло дерёт и зубы сводит. Ничего не могу с собой сделать. Порой какая-то внутренняя, неведомая сила притягивает, властвует и правит мной. Природа. И это меня злит». – Марина прошла на кухню. Взяла яблоко и с жадностью откусила красно-розовый налив, как бы заедая свои мысли ароматом бабушкиного сада. – А может, и хорошо, что я свободна от ревности. Нет трясучки терзаний и лихорадки сомнений. Температура состояния – нормальная. Ни жарко, ни холодно. Полная гармония полёта мыслей! Свобода!»

Марина опять села на диван и пододвинула к себе журнальный столик, на котором лежала книга Михаила Булгакова «Собачье сердце».

«Выходные закончились. Завтра в строй. На работу», – подумала Марина, переводя свой минор на рабочие будни.

Утро следующего дня начиналось как обычно: пробежка, душ, кофе, зеркало, автомобиль... День после выходных разворачивал свои границы по-барски лениво. Марина решила предложить чай не в 11, как обычно, а пораньше.

– Что-то не работается. Давайте попьём чаю! Я шарлотку принесла из запаса яблок зимних сортов и травяной чай. Всё от бабушки.

Коллеги оживились, начались расспросы, воркование. И в этот момент раскованной непринуждённости дверь отворилась и зашла секретарь Зоя.

– Марина Владимировна, вас главный вызывает, – доложила, развернувшись и стала удаляться играющей походкой, как бы донося: «Ну что, чай-то попили?»

– Вот так всегда. Наш Мутя, – так величали главного редактора журнала «Орион» Дмитрия Геннадьевича Сыдука, – сквозь стены зрит. – Мутя – это было производное от Мити.

Марина встала, не допив чай. Настроение слегка просело.

– Марин, ты ему передай: «Если жизнь излишне деловая, ослабеет функция без чая», – задиристо перефразировал Гриша своего любимого Губермана.

– Ага, сам передавай! Надеюсь, твоя функция под надёжной защитой, – выходя, бросила Марина.

Гриша проводил ее взглядом, собрав губы дудочкой и потрясывая головой.

Марина, зайдя в кабинет, бодро поприветствовала шефа.

- Добрый день, Дмитрий Геннадьевич!
- Добрый, добрый! Проходи! Присаживайся!
- Спасибо.

– Марина, я тебя надолго не задержу. Надо ко дню памяти Михаила Булгакова подготовить очерк. Возьми его произведения и подчеркни гениальность писателя – его мысли, его стиль, слог и красноречивость иронии. Думаю, стоит опереться на «Собачье сердце».

– «Собачье сердце»? – удивлённо переспросила Марина. Она уже более месяца работала над загадками автора, заложенными в этом романе. Но откуда об этом мог знать Мутя? Или это совпадение?

- Да. А что тебя удивляет?
- Нет-нет. Это моё любимое произведение. Вы прямо точку.
- Ну вот и прекрасно.

Марина вернулась в кабинет и с решимостью допить чай положила себе на блюдце кусочек шарлотки.

Коллеги наслаждались ароматным травяным напитком и нахваливали пирог.

Рабочий день закончился без эксцессов, и, вернувшись домой, Марина наспех сделала себе бутерброд, сварила кофе и, поудобней устроившись на диване, погрузилась в Булгакова.

Преображенский Филипп Филиппович у Булгакова выстраивался в положительный образ. Профессор проживал в роскошных апартаментах, и в своём роскошном лазоревом халате и красных сафьяновых туфлях переплывал из одной комнаты в другую: из спальни в библиотеку, из библиотеки в столовую, где принимал пищу. По описанию Булгакова, пищу профессор принимал в исключительно изысканной обстановке:

«На разрисованных райскими цветами тарелках с черной широкой каймой лежала тонкими ломтиками нарезанная семга, маринованные угри. На тяжелой доске кусок сыра со слежкой, и в серебряной кадлушке, обложенной снегом, – икра. Меж тарелками несколько тоненьких рюмочек и три хрустальных графинчика с разноцветными водками. Все эти предметы помещались на маленьком мраморном столике, уютно присоединившемся к буфету из резного дуба. Посреди комнаты – тяжелый, как гробница, стол, накрытый белой скатертью, а на ней два прибора, салфетки, свернутые в виде папских тиар, и три темных бутылки...»

А в кабинете профессора, как одушевлённая субстанция, висели врачебный халат и колпак, ожидая своего часа. И в момент облачения в эту кипельно-белую накрахмаленность Филиппу Филипповичу открывался канал Вселенной, и он чувствовал себя полубогом.

Книга любимого автора Марины, «Собачье сердце», дожидалась её на столе. И для выполнения задания шефа ей не пришлось лезть к верхним полкам и искать произведение среди не часто востребованных книг.

Марина писала очерки, рассказы, эссе. Её герои были простые люди со своими историями, красочно ложившимися на страницы. В своём творчестве она не опиралась на скандальные сюжеты, писала легко, без приступов философии и догматизма.

НО! Перечитав в очередной раз Михаила Булгакова, Марина серьёзно споткнулась на образе профессора Преображенского. Даже не споткнулась, она расшибла лоб о Филипп Филиппыча.

Обаятельный профессор, обласканный любовью автора, вызывает чувство непреодолимого уважения к его воспитанию и образованию. И для читателя не важно, что за кулисами, важно, что на авансцене.

Марина ещё раз перечитала главу за главой, и пределы её восприятия РАСШИРИЛИСЬ! Словно она подобрала нужную диоптрию, и сразу прорезалась резкость.

В прихожей раздался звонок. Отложив книгу, Марина пошла открывать. Это был Стас.

– Привет, я тебе не помешал?

– Да скорее наоборот. Одна голова хорошо, а ещё одна – мужская, да ещё с туловищем – лучше.

– Не понял?!

– Ты что, не знаешь? Женский и мужской мозг – разные. У вас амигдала больше. Амигдала – это область мозга, отвечающая за эмоции. Мужчины лучше справляются с эмоциями – хладнокровней. Холодно. А мы, женщины, горячо. Поэтому, когда эмоция нас побеждает, у нас пар трубой, а у вас только дым коромыслом. А если серьёзно, эмоция – это очень мощный игрок! Умом понимаешь, как надо поступать в той или иной ситуации, – правильно, красиво и достойно. А в момент, когда шальная эмоция вонзается, как шило, в неприглядность, получается всё наоборот. Вот мне совсем не хочется, чтобы меня положили на лопатки. Очень надеюсь, что ты и твоя амигдала мне в этом помогут.

– Откуда тебе всё это известно? – с неподдельным интересом спросил Стас.

– Слушаю Черниговскую. Но сейчас я не о профессоре Татьяне Владимировне Черниговской, а о профессоре Филиппе Филипповиче Преображенском.

– А-а-а... Здравствуйте, уважаемый Михаил Афанасьевич Булгаков.

– Да-да! Именно он! Ты знаешь, Стас, кадр, который ПОД кадром, стал проявляться. И всё началось с пациентов профессора Преображенского. Слушай! – и Марина принялась читать главу, где у профессора появляется авторитетный важняк и приводит девочку четырнадцать лет от роду.

«...появилась лысая, как тарелка, голова и обняла Филиппа Филипповича.

– Что же мне делать? Я слишком известен в Москве, профессор.

– Господа, нельзя же так! Нужно сдерживать себя. Сколько ей лет?

– Четырнадцать, профессор... Вы понимаете, огласка погубит меня. На днях я должен получить заграничную командировку.

– Ну, подождите два года и женитесь на ней.

– Женат я, профессор.

– Ах, господа, господа! »

– И профессор, зная, что девочке – ребёнку! – четырнадцать лет, лишь пожурил влиятельного посетителя, слегка погрозив пальчиком.

Марина отложила книгу и пристально посмотрела на Стаса, пытаясь разглядеть в нём реакцию на прочитанное. Стас сидел с округлёнными глазами и сжатыми в скобку губами. Марина, стуча всеми пальцами по столу, как по пианино, продолжила:

– А среди влиятельных посетителей профессора были государственные деятели. Я поковырялась в деятелях того времени, и мой интерес сильно возбудил Луначарский Анатолий Васильевич, «...со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других...», как писал о нём Леонид Андреев. Кто бы мог подумать, что этот лысец – фанатик большевизма! Был уличён в сомнительных увлечениях и развлечениях.

– Мне помнится саркастический плевок Демьяна Бедного в адрес наркома:

...Лохмотья дарит публике,

А бархат – Розенель...

– Розенель – его жена? – уточнила Марина.

– Да, Наталья Розенель. Луначарский свои левые похождения застилал бархатом глаза жены.

– Кому застилал, кому запудривал, а кому и вовсе шоры напяливал на глаза. Вот, например, этот яркий представитель власти привел на операцию четырнадцатилетнюю девочку после порочной сексуальной несдержанности и не подозревает, что его ЭГО работает исключительно на свои блага и подавляет его разум. А сейчас стоит и блеет перед профессором, тряся мошонкой: «Я всем известный в Москве...» Дрожит, как студень, только бы его не выдали, только бы не узнали, только бы профессор помог.

А что с девочкой? Да разве эту похотливую особь тревожит. Его волнуют кожаное кресло да заграничная командировка. А за остальное власть имущий откупится деньгами да возможностями, ему то всё можно. Только вот огласки никак нельзя. «Женат я...» – признаётся доктору власть пролетариата.—

В глазах Стаса отражалась поддержка. И Марина была очень удивлена. Она была уверена, что Стас, как всегда, сядет на своего любимого конька «оппонента» и примется убеждать её в недопонимании смысла. И, более того, начнёт осуждать её расковыривания, типа: на кого замахнулась? на Великого Булгакова?.

Но она ошиблась. Стас был на её стороне. И она вслух продолжила свои мысли:

– Булгаков действительно – Великий! Сотворил Великое зеркало кривых отражений эпохи.

– Наверняка этим влиятельным посетителем мог быть или сам Луначарский, или кто-либо из круга его приближённых. В границы круга «белым воронам» вход запрещён.

– Стас, а как ты считаешь, Преображенский – «ворона» их круга?

– Марина, Преображенский учёный. Ты перегибаешь.

– Вот! Молодец! Сработала твоя амигдала, – воскликнула Марина, как бы радуясь, что Стас успешно прошёл тест.

– Амигдала, амигдала, а на часах напикТалА. Я поехал, а ты ложись спать. А то Булгаков не простит тебе недосып. – Стас чмокнул Марину в щёчку и упорхнул.

Утро следующего дня началось с изучения архивных документов через электронную регистрацию. Журналистам и писателям был разрешён допуск к таким материалам. И журналистка издательства журнала «Орион» Корецкая Марина Владимировна с вдохновением зарылась в кладези давности.

Она не вчера притронулась к повести «Собачье сердце», у неё уже были найдены предположительные прототипы профессора Преображенского. На первой странице книги, в страданиях пса Шарика, которого Преображенский подобрал для проведения эксперимента для внедрения гипофиза человека в голову собаки. Гипофиз! Этот мозговой придаток определяет облик человека! И если извлечь этот маленький белый шарик – гипофиз собаки – и вшить человеческий гипофиз, ЧТО произойдёт?

Профессор Преображенский был одержим этой идеей: «Имея яичники и сердце собаки и мини-мозг, то есть гипофиз человека?» К этому научному эксперименту Преображенский продвигался с профессиональным опытом. Он практиковал «омоложение», пересаживая обезьяньи яички богатым клиентам.

Первому пациенту профессор так поднял либидо, что несмотря на то, что его левая нога не сгибалась, волосы были выкрашены в зелёный цвет, а лицо изрыто морщинами, он стоял перед своим чародеем – прыгучий скакунчик, розовый и в гордом экстазе. Явился «первый» в дорогом пиджаке, на лацкане которого торчал, как глаз, драгоценный камень, а под полосатыми брюками оказались кальсоны с вышитыми черными кошечками.

«– Снимайте штаны, голубчик, – скомандовал Филипп Филиппович.

– ...верите ли, профессор, каждую ночь обнаженные девушки стаями. Я положительно очарован. Вы – кудесник. Вы маг и чародей, профессор!

– Ну, что ж, – прелестно, все в полном порядке. Я даже не ожидал, сказать по правде, такого результата. Одевайтесь, голубчик!

– 25 лет, клянусь Богом, профессор, ничего подобного.

– Вы, однако, смотрите, – предостерегающе и хмуро сказал Преображенский Филипп Филиппович, грозя пальцем, – всё-таки, смотрите, не злоупотребляйте!»

С силой авторитета пожурил Преображенский новоиспечённого «героя-любownika» в вышитых шёлком кальсонах и с устойчивым шлейфом парфюма.

«Приведя себя в порядок, он, подпрыгивая и распространяя запах духов, отсчитал Филиппу Филипповичу пачку белых денег и нежно стал жать ему обе руки».

Потом была дама 55 лет, имеющая молодого любовника, и профессор пообещал ей вставить яичники обезьяны.

И потом... и потом... появлялись богатые, влиятельные, защищённые деньгами, властью и положением клиенты профессора Филиппа Филипповича Преображенского. А на полу в смотровой в смиренной позе лежал пёс Шарик. Наблюдал.

«У-у-у-у... Вы величина мирового значения, благодаря мужским половым железам. У-у-у-у». И, наблюдая за людской движухой в квартире своего господина, своего спасителя, уважаемого профессора Преображенского, бездомный пёс со своим скудным собачьим умишком, подумал: *«Похабная квартирка».*

«К "Похабной квартирке" я ещё вернусь», – подумала Марина и отправила на принтер подборку из архива по развёртыванию темы «Возможно ли омоложение?» Ещё тогда гениальный писатель предсказал, чем могут обернуться человечеству внедрения в мозговые и половые придатки.

Михаил Булгаков сначала был врачом, а потом уже стал писателем. И сенсационные открытия в области медицины, обеспечившие мировую известность в области омоложения, не могли остаться для него не замеченными. В те времена большой интерес мировой общественности вызвали научные труды профессора Воронова Сергея Абрамовича. Богатейшие люди мира становились его клиентами. Среди них были президенты, премьеры, махараджи Индии, кинозвёзды, композиторы... От желающих задержать процесс старения, получить омоложение не было отбоя. И действительно, была произведена операция 74-летнему мужчине по пересадке половой железы павиана. И через восемь месяцев произошло омоложение на 20 лет.

Марина откинулась на спинку кресла и утонула в своих размышлениях:

«Всё как доктор прописал... А доктор у нас КТО – Филипп Филиппович! А не передал ли Михаил Булгаков жгучий привет в будущее через профессора Преображенского? Когда-то С. А. Воронов РАЗДРАЗНИЛ учёных научными исследованиями. И опыты прошлых лет, как торжество науки ТОГДА, подарили нашему поколению СЕЙЧАС детей из пробирки и гендерные формирования. Шеренги женщин-мужчин, мужчин-женщин».

Открытие мутировало и порождало пороки. Марина почувствовала, как содрогнулась. Булгаков САМ вскрывает созданную им же «суть помыслов». И САМ, в романе «Роковые яйца», подводит черту: *«ВсеЭТИ достижения, опыты, эксперименты, действия на придатки – мозговые, половые, – всё это обернётся роковыми яйцами».*

Марина глубоко и громко набрала воздух в лёгкие. Было ощущение, что она оттолкнулась от дна своих мыслей и стремительно вынырнула, спасая себя от погружения. Раздался голос Гриши:

– Марина, иди чай попей! Отлипни ты от своего компа. Ну поделись, что тебе Мутя подбросил? – заговорщически спросил Григорий.

Сима Кобылина насторожилась. Она всегда относилась к Марине с какой-то скрытой завистью. И когда Гриша спросил, Сима напряглась: «А вдруг что-то пиковое. Это Маринке принесёт успех, а за успехом популярность».

– Да ничего интересного. Надо ко дню памяти Булгакова написать статью, – спокойно сказала Марина.

Сима взбодрилась, будто ей вкололи гормон счастья. Она сразу поняла: «ну что интересного можно описать в уже давно всеми написанном и переписанном». Сима сразу вспомнила, что у неё «завалялось» кое-что вкусенькое. И со словами «Марина! Эта тема, твоя!» положила на стол плитку шоколада.

Марина промолчала. Она допила чай и засобиравшись домой. Уходя, она непроизвольно бросила взгляд на чайный стол. Плитка шоколада, предложенная Симой, осталась нетронутой.

Домой Марина возвращалась, любуясь Пречистенкой. Здания были окутаны слабо-молочным туманом, и лёгкий дождь мягко орошал улицы. Это была любимая погода Марины. Бархатно-влажная. Она медленно шла и мысленно представляла идущего по прошлому веку Михаила Булгакова. «Кто вы? Михаил Афанасьевич! Мысли, поднятые на Ваших страницах, человечество восприняло фантастическими, а они оказались пророческими».

Волнение Марины переходило в тонкую вибрацию беспокойства. Ей было знакомо это ощущение: порой бабочки в душе, а порой необъяснимое волнение.

«К чему бы это?» – подумала Марина, подходя к дому. Она зашла в свою квартиру, прошла на кухню и сварила себе кофе.

– Н-да... Эти пророческие тени булгаковских мыслей проникают в моё подсознание и хозяйничают в подкорке с силой шаманского бубна.

Ну почему бы не написать, о чём хотят слышать, что хотят видеть. Как я это делала всегда. Мои рассказы о дружбе, о любви, о жизни нашли свою аудиторию, и не надо срывать покров с других помыслов. И ЗАЧЕМ?

Зачем она отыскивала на каждое положительное «ДА» булгаковского героя противоположное документальное подтверждение – «НЕТ»?

И опять себя спросила – ЗАЧЕМ? Но она уже вскочила в поезд, который набирал скорость и стремительно нёсся, опережая время.

«И почему я не прыгнула с этого поезда... прыгнула бы, и пусть бы поезд катился в удаляющую точку... Мимо меня, мимо людей, мимо жизни...»

Напряжение её мыслей разорвал дверной звонок.

Это был Стас.

– О, привет! А что не позвонил? Вообще-то, Стас, я тебя сегодня не ждала.

– Ты не ждала... Сначала подкинула Булгакова, как неожиданно найденный самородок среди в тысячу раз переработанных ископаемых, а теперь она... не ждала... Да я сегодня целый день думал о Булгакове и его «Собачьим сердце».

– Ну вообще-то хорошо, что ты пришёл, а то сейчас мои мозги взорвутся.

Они прошли на кухню. Марина налила кофе и поставила на подставку с горящей свечой.

– И на чём ты остановилась? – спросил Стас, наливая себе кофе.

– На «похабной квартирке».

– Ты имеешь в виду квартиру профессора Преображенского? Ну какая же она похабная. Чистая, красивая, образцовая.

Марина смотрела на Стаса и подбирала аргументы. Чистую, красивую, образцовую квартиру Шарик называет похабной.

– Да! Стас! Даже Шарик, с гипофизом низшего уровня развития, понял, что квартирка похабная.

– Ну-у-у... если Шарик, тогда я тоже соглашусь... – съехидничал Стас.

Но Марина рогом упёрлась в свою позицию, как матадор на корриде.

– Михаил Афанасьевич создал образ Шарика, чтобы вскрыть пробоины истины. Шарик – бездомный пёс. Но именно он увидел, как важные посетители своими пороками «наследили» в чистой квартире профессора. Автор смывает лоск элиты и обнажает их истинность и безнравственность поступков.

Стас погрузился в состояние Марины:

– И приближенный член ЧЛЕНСТВА сформированного правительства 1917 года привел четырнадцатилетнюю девочку для осуществления преступных деяний.

После увенчавшейся успехом договорённости по операции четырнадцатилетней девочке важный ЧЛЕН поблагодарит профессора, выйдет, поправляя галстук да шляпу, вытянется, выпрямится и с призывом в глазах «Мы наш, мы новый мир построим!» направится к просторам своей наркомовской власти. НАРКОМ и НАРКОМания имеют один корень. Корень

зависимости власти и величия, возбуждённости и восторженности, с горькой приправой постоянного страха и опасности. И этот однокоренной член залезет в свой революционный кокон и примется орошать «рабочих и рабов» наркотическими возгласами: «Грабь награбленное!» Ведь так нас учил Карл Маркс: «Экспроприация экспроприаторов!» В переводе: идите убивайте! Что найдёте, забирайте!

Марина не могла сдержать своё возбуждение и продолжала:

– Стас! А как тонко заложена гениальность сюжета в монологах Шарика. Ну что пёс! Что с него взять? Это же бездомная потеряшка. *«Шляйка поджарая»*, как пишет автор.

А после того как псу врезали кипятком, он стал глуже плакаться себе в жилетку, извергая всю гущу своего откровения. Шарик никого не пропустил. Ни повара: *«...повар... Какая гадина, а еще пролетарий! ... Жадная тварь. ... попереk себя шире. Вор с медной мордой...»* Ни дворника: *«Дворники из всех пролетариев – наигнуснейшая мразь, низшая категория, чело-вечьи очистки...»* Эта порицательная хула извергалась от собаки, шлявшейся по помойкам и жаждавшей подачек.

Но свершилось чудо! Профессор Преображенский подобрал эту шляпку и при помощи своего помощника, доктора Борменталья, произвёл сенсационную операцию. Профессор внедрил в мозги собаки и заменил гипофиз бездомного пса на гипофиз человека.

И начался процесс очеловечивания: хвост отвалился, задние лапы вытянулись, шерсть отваливалась клочьями. От облика собаки ничего не осталось. Шарик стал извергать звуки, совсем не схожие с лаем, а потом заговорил. Бездомный пёс Шарик очеловечился и превратился в Шарикова.

Марина со Стасом вошли в раж и наперебой цитировали Булгакова.

И когда в несчастной судьбе пса возникает профессор Преображенский, с вожделеющим запахом колбасы, пёс оценивает вид приближающегося господина: *«Этот тухлой солонины лопать не станет...»*

Стас уже давно согласился с убеждениями Марины, но напоминание о колбасе разыграло вкусовые рецепторы, и он перевёл тему:

– Ты знаешь, а я тоже бы не против колбаски. Давай по бутерброду?

– Давай! – с радостью поддержала Марина, вспомнив, что она, как приехала домой, ещё не ела.

И, распевая *«От Севильи до Гренады... В тихом сумраке ночей»*, она принялась готовить бутерброды.

– Эти напевы от Филиппа Филипповича? – спросил Стас.

– Да. Они взяты из жизни и по образу дяди Булгакова по материнской линии – Покровского Николая Михайловича, врача-гинеколога. Дядя практиковал дома и имел такие же роскошные апартаменты, тот же роскошный лазоревый халат и такие же красные сафьяновые туфли, как упомянуто в повести. Жил на Пречистенке и напевал: *«От Севильи до Гренады... В тихом сумраке ночей...»* И ты знаешь, родственник узнал себя в Преображенском и сильно обиделся на племянника, – говорила Марина, жадно кусая бутерброд.

– Значит, деяния дяди-гинеколога в профессоре Преображенском не случайны.

– Думаю, да. Потому что в экранизации эпизода с четырнадцатилетней девочкой этого нет. Видно, КОЕ-КТО – образованный, эрудированный, с незаурядным умом и природным обаянием – разглядел себя в героях Михаил Афанасьевича и своим жезлом власти запретил «лишнее». Например, Луначарский, он очень не любил Булгакова.

Перекусив, Марина встала и пружинисто заходила по комнате.

– Я уверена, что у Луначарского было достаточно единомышленников в нелюбви к писателю. Вот! Читай! – Марина открыла страницу с пометками на полях.

«...С 1903 года я живу в этом доме. И вот в течение этого времени до марта 1917 года не было ни одного случая, чтобы из нашего парадного внизу при общей незапертой двери

пропала хоть одна пара калош. В марте 1917-го года (начало революционных настроений) в один день пропали все калоши, 3 палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошная стойка прекратила свое существование».

Стас грустно-иронически улыбался:

– Ах, калоши, калоши! Представляешь, как до революции жили... Открыл парадную: и тебе мраморная лестница... ковры... стойка с калошами... Зашёл, и сразу дома – в уюте и чистоте. А набежали Шариковы да Швондеры: калоши разворовали, ковры убрали и парадную досками забили, вход стал через «чёрный ход».

К тому времени эволюция Шарика так скаканула, что очеловечившийся пёс был одет в приличный костюм, брился и орошал себя мужским парфюмом, его водили в театр и в цирк, и трапезничал Шариков за одним столом с профессором.

Но в нём билось собачье сердце, и он не мог принять ни парадную, ни мраморную лестницу, ни ковры, ни калоши. Только вход через «чёрный ход» был ему по душе.

«*Кому это нужно?*» – спрашивает булгаковский Филипп Филиппович в своём монологе. Разворовывание калош. Грязными сапогами – по коврам мраморной лестницы. Наследили, нагадили и проложили себе дорогу через «чёрный ход».

– Ты знаешь, Стас, почему Булгаков своими мыслями проникает под корку даже сейчас? Прошло почти сто лет с появления «Собачьего сердца», а ты выйди к местам отдыха у природных рек, а там горы мусора. Спроси, КТО нагадил?

– А я знаю, кто. Тот, кто заинтересован в этом вращении вокруг оси. За любым раздражающим фактором последует расшатывание позиций. И в этом главная цель революционного переворота.

– Мраморная лестница была – мраморной! Лестницей на «ВЫ» её звали величали, и она была – «КЕМ!», а после 1917 года лестница «осеменилась» с революцией и стала «НИКЕМ». Калоши под замок, у входа – солдат, в наше время – охранник. Парадную забить, пусть чёрный ход пользуются!? Парадная – до 1917 года, апосля только с ЗАДУ, через чёрный проход.

– Ну нельзя же ко всем внедриться в гипофиз. Гипофиз определяет облик человека. А до «мраморной лестницы» дорасти нужно. Сознанием дорасти! А сознание «революции» пока мечется между калошами да кальсонами в вышитых кошечках.

В подъезде-то только один Филипп Филиппович и остался. Во какая революционная порция. А пролетариатцы-то и не видят: мраморная ли ЭТА лестница АЛИ КАКА ДРУГА.

И на страницах Булгакова появляется Шариков вместе со Швондером, они войдут в историю как имена нарицательные, определяя наследие бездарных и бездумных.

«*Мы, управление дома, – с ненавистью заговорил Швондер, – пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором СТОЯЛ вопрос об уплотнении квартир дома...*

– *Кто на ком СТОЯЛ?* – крикнул Филипп Филиппович. – *Потрудитесь излагать ваши мысли яснее».*

В этом месте Марина рассмеялась и начала хлопать в ладоши:

– Гениально! Просто захлёбываюсь талантом писателя! Нет! Я напишу эту статью! Моя статья будет не рядовая. Я расцарапаю это напыление, под которым автор скрыл смысл эпохи. И переверну на другую сторону. Перелицую.

– Если тебе позволят её п е р е л и ц е в а т ь, – тихо сказал Стас.

В сказанной фразе Марина почувствовала привкус горечи.

– И что ты предлагаешь? Написать и положить на полочку, пыль радовать?

– Не знаю.

– А я знаю! Закончу начатое. И не буду себя предавать.

– И когда ты думаешь своим литературным реверансом порадовать Дмитрия Геннадьевича?

– У меня ещё три дня. Думаю, уложусь.

Марина вздохнула и, глядя в глаза Стасу, объявила:

– А ты, Стас, иди к себе.

– О-о-о... Я настроился на почти семейную идиллию.

– Нет-нет-нет! Я буду с Булгаковым! Надо подобрать канву всему написанному. И как-то подготовиться к размазыванию моих противоречий. Уверена, избежать экзекуции не получится.

– Значит, ты, зная реакцию главного, всё же решила головой пробить скалу. Зачем тебе это, Марина? Тебя же могут уволить.

– Могут.

– И что? – многозначительно спросил Стас.

– Уж лучше голодать, чем что попало есть...

– Да-а-а... Рождаются же Омары Хайямы, Пушкины, Булгаковы... И открывают НАМ – мудрость бытия... – сказал Стас, подходя к двери.

– Это вселенская прослойка, без неё мир погрузится в порождение Шариковых и Швондеров. – На этой фразе Марина чмокнула Стаса, на прощанье бросив: – Пока. Звони, – и закрыла за ним дверь.

Было поздно, и она решила принять ванну и лечь спать. Налила в ванну отвар из сердцевин яблок, мелиссы, ромашки и утонула в блаженстве, погрузив своё тело в аромат первозданности. После ароморасслабления, уложив себя в постель, Марина провалилась в глубокую дрему.

Утром её разбудил звонок. Звонила бабушка:

– Мариночка, звоню пораньше, пока ты ещё на работу не упорхнула. Доброе утро, моя девочка!

– Доброе утро, бабулечка!

– Мариша, ты подъедешь на эти выходные, я тебе подготовлю курочку и консервацию.

– Спасибо огромное. Но в эти выходные не получится. Я работаю. А вот в следующие – обязательно!

– Ну хорошо, тогда в субботу. Буду с нетерпением тебя ждать.

– Хорошо, бабулечка. Целую.

Марина отключила телефон и почувствовала, как растекается по ней тепло. Бабуля для неё была огромным искрящимся шаром, наполненным заботой и бесконечной любовью. Стоит Марине только прикоснуться к этому родному шару, и ей уже хорошо. Она чувствует защищённость. Шар большой, а она маленькая. И она знает, что этого шара ей на всю жизнь хватит.

Ещё лёжа в постели, Марина почувствовала, что она выпалась, и бодрячком прыгнула в тапочки. Умылась и... к тренажёру, потом душ и всё по накатанной. Утренняя линейка очередности оставалась не изменой – сок, яичница, кофе.

Дымящуюся чашку она поставила у ноутбука. Своё погружение в творчество Марина привыкла запивать кофе. На компьютере засветился экран.

– Здравствуйте, Михаил Афанасьевич! – озвучила Марина свой настрой в бодром приветствии.

Итак, распрощавшись с краснопролетарцами, Филипп Филиппович загрустил.

«...Вначале в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее...»

А почему трубы замёрзнут? Почему котёл лопнет? Чтобы шестерёнки любой системы работали, их надо вовремя смазать, вовремя отремонтировать, вовремя заменить. А чтобы вовремя заменить, должны быть запасные запчасти. А где взять-то, ежели всё разворовывалось. От калош до жилых площадей.

«...и каждый вечер пение...» – с глубокой грустью почти скорбит Преображенский.

Суть понимания – экспроприировать! Забрать! Забрать жилую площадь у профессора! Пусть пищу принимает в спальне, а оперирует больных в кабинете!

Вот случись что со здоровьем Швондера. Он к Филиппу Филипповичу побежит, а его домоуправленцы, окромя деревянного бушлата в красной обшивке, в цвет революции, ничем помочь-то не смогут. И проводят его в последний путь революционными напевами...

Преображенский – учёный с мировым именем. Он лечит, оперирует, проводит научные опыты. И имеет результаты! От посетителей отбоя нет. И в отлаженную жизнь профессора врывается революция в грязных сапогах и чёрных кожанках и напористо пытается посеребрить руки пролетариата. Было принято решение – отобрать у Филиппа Филипповича часть квартиры. Но с квартирой не получилось, Преображенский позвонил важному лицу, и напористость красного пролетариата сдулась. И они нашли другую лазейку и стали предлагать журнальчики:

«Купите! По полтиннику штука. В пользу детей Германии».

Ещё чего? Будет Филипп Филиппович деньги раздавать.

Да КОМУ??? И для ЧЕГО???

А на полтинник в 1920 году можно было купить продукты. НАПОРИСТЫЕ! Пройдутся по квартирам, соберут дань революции, а потом можно и попеть.

«Я вам скажу, – говорит Филипп Филиппович, – ничто не изменится к лучшему в нашем доме, пока не усмирят этих певцов!»

Шариковы и Швондеры, находящиеся в формировании от низшего к высшему, застряли на своём пути. Но застряли не на пустом месте, а с полномочиями. Полномочия дали, а понимание-то за порогом оставили. Даже у «гипофиза» нет такой функции —передать осознанию импульс развития интеллекта. В романе Булгакова революционные настроения зависали в воздухе и смердели, как прогнившая с сердцевины картошка.

Марина оторвалась от компьютера и опять погрузилась в размышления:

«Прошло 100 лет. СТО ЛЕТ!!! Жадные и нечистоплотные потомки, залипшие в чиновничьих креслах, упираются. Они-то понимают, что мы самая богатая страна в мире по природным ресурсам. США и страны Европы, все, кто с помощью наших доморощенных предателей сильно удобрил потомков революции, и их столько расплодилось... Веками экономически насиловали нашу страну.

"Вчера котов душили, душили... Душили, душили..." – это с отчаянием изрекает Шариков как начальник очистки, куда его назначил Швондер. А позовёт наркомат Шарикова – побежит и забудет. Выполнит команду «ФАС» уже от наркома, а не от Швондера. Преображенского же он уже предал – стал упрекать, обворовывать и дерзить. Забыл Шариков о благодарности своему господину-спасителю.

В чиновничьи ряды из прослоек «низших» просочились беспринципные и напористые... Уж сто лет поддерживают революционную преданность и США, и Европе. И себе...

НАПОРИСТЫЕ!!! – на этом месте Марина рассмеялась. Смех был с нервинкой. «Ты хоть смейся, хоть плачь, а вручأت тебе калач».

– То бишь, дырку от бублика. Не радостная перспектива.

А дырка от бублика образовалась от «напористых», которые сумели разгрести для себя пространство и пробраться к позициям значимых фигур.

Бац – бац! И в дамках!

История знает такие восхождения «лисыих хвостов».

Не хочется углубляться в тему предательского самодержавия. Это гнойник с вирусом мутации. Чистят, лечат, извлекают, а силы лжи и наживы сидят на дрожжевой базе и бурлят, дыбятся и произрастают.

Булгаков в своей повести «Собачье сердце» отображает кричащую разницу низших и высших прослоек общества, он вгрызается в суть происходящего и вытягивает изнанку наружу. Революция не знает, что дальше делать, и создаётся мощная бюрократическая паутина. Посему

для подстраховки своих действий требуют всякие документы, к документам – бумажки, к бумажкам – писульки, к писулькам – писулечки, и далее по кругу...

Народ загоняют в беспросветные очереди, в пустую суету и хлопотливую трату времени. Где уж тут думать о хлебе насущном. Толпа, суматоха.

Но нашему поколению повезло! Мы живем во времена цифровых технологий. И не простаиваем в очередях, чувствуя себя маленькой букашкой, пытающей укусить слона. Мы, сидя у себя дома за компьютером и с чашечкой кофе, в тепле и уюте, заказываем загранпаспорта, водительские права, покупаем товары и услуги и получаем документы. А при потребности живых печатей созданы МФЦ.

И «запись день, выпись день, пропись день» из юморесок наших талантов канули навсегда! А как же эти запись, выпись, пропись дни были актуальны.

Булгаков – гений! Всё, что пережил народ, он разложил по смыслам и под смыслами. До запятых, точек, восклицательных знаков и... многоточий.

На этом Марина решила закончить статью. В понедельник с раннего утра она зашла в кабинет. Мутя ещё не появился. Марина положила статью на стол и вернулась на своё место.

Через час в издательстве «Орион» взорвался вулкан эмоций, и огнедышащая лава залила донныне спокойное и безмятежное пространство. Мутя выскочил из кабинета, как пронзённый шилом в зад. Волосы торчали во все стороны, будто лаком побрызгали, а причесать забыли. Глаза вылезли из орбит и на незримой движущейся пружине зависли в воздухе.

Работники замерли. Мутя подбежал к секретарю Зое, приказал распечатать Маринин «шедевр» и дать для прочтения коллегам. Потом подошёл к Марине и тихим хрипом произнёс: «Ко мне! Зайди!»

Для Марины реакция Мутя была ожидаема. И она, собрав волю в кулак, точнее не в кулак, а в фигу, зашла к шефу. Без всяких предисловий Мутя объявил:

– Или ты переписываешь статью, или подаёшь заявление по собственному.

– Вы хотя бы объясните! ЧТО вам не понравилось?

– Она ещё спрашивает! Ты зачем Булгакова опустила в лакмусовый раствор? (Лакмус – индикатор, определяет верный состав жидкости.) Да ещё спроецировала на наше время! Я об этом тебя просил? – весь дрожа, визжал Мутя.

Марина прикинулась «недопонимающей» и удивлённо, с наивной преданностью спросила:

– Я что-то исказила? Или окрасила в желтизну, чем увлекаются продажные журналисты? Мутя подскочил и завизжал, будто его режут.

– Заявление на стол! И можешь писать сказки. И не суйся туда, где ничего не понимаешь! Это у других писателей сказки искажённые, в которых «крючком за матку завоёвываешь мир...» и всё через х.. и через п.... Это вам нравится? Вот и целуйтесь со своими избранниками. Поверхностными популистами!

«Н-да... а я-то думала, что у шефа никогда гнев не поднимается выше копчика...» – подумала Марина и на рекомендацию «писать сказки» ответила:

– А сказки писать не просто. Сказка – это чистая история с правдивым и нравоучительным смыслом. В сказках правильная мораль и верная правда. И переписывать я ничего не буду, потому как не собираюсь торговать своими принципами.

Мутя медленно встал и открыл рот с выражением полной опрокинутости. Он не ожидал такой реакции от Марины. Дмитрий Геннадьевич был уверен, что она, как булгаковский Шарик, подожмёт хвост и перепишет статью.

Но Мутя ошибся. Это Шарик, когда ему было плохо, полз на животе и скулил: «О, мой властитель! Глянь на меня, я умираю! Рабская наша душа, подлая доля!»

Марина резко развернулась и вышла, хлопнув дверью, оставив Мутю с его мыслями:

«С Шариком неудачный пример. Он ведь когда очеловечился, стал упрекать своего спасителя: *"...один в семи комнатах расселился, штанов у него сорок пар, а другой илется, в сорных ящиках питание ищет..."* Это синдром низшего формирования: «из пана пан – будет пан, а из хама пан – будет хам. Это про Шарикова и ему подобных. А Марина – думающая и принципиальная. Да и в таланте не откажешь, вон как всё вывернула до наготы».

Когда Марина вернулась на своё место, коллеги дочитывали её статью. В пространстве загуляли волны противоречий. Взгляды коллег выражали напряжение недосказанности. И на периферию ступали вопросы:

«Что это? Подтасовка удачного попадания в мишень? Взяла всем известного Булгакова и опрокинула смысл, затаённый автором. А почему же я до этого не догадался? Ведь всё очевидно! Прямо стежки белыми нитками, только с узелками. И какая-то Маринка разглядела эти узелки и выложила на плаху... Не побоялась...»

Первой проявилась Сима Кобылина, она всегда относилась к Марине со скрытой неприязнью. И сразу решила обозначить настроения. Сима узрела неординарный окрас изложенного. И позавидовала. А вдруг кто-то выразит восторг. Ей надо предупредить ликование. И, растягивая слова, она громко продекларировала:

– И понесём мы по России бред кобылы сивой...

Зависли ожидающе взгляды... Все смотрели на Марину и ждали. Какую карту вытащит она – козырную, и отыграет свою партию, – или нет.

Марина повернулась к Кобылиной. Её негодование после объяснений с Мути упиралось в гланды и нарушало ритмы взвешенности. Но она, сдерживая себя, как учитель, объясняющий несостоявшемуся ученику предмет, спокойно стала пояснять:

– Ну, во-первых, Сима, только в бреду можно услышать чистую правду. Ну а насчёт «сивой кобылы» можно поспорить...

По рабочим местам коллег побежал смехок. Всем стало ясно, как созвучна «сивая кобыла» с фамилией Симы Кобылиной. Сима встала и с гневной ухмылкой выплеснула на Марину сгусток, скопившийся желчи:

– Вот когда тебя начнут размазывать, а потом соскребать, разнося в пух и прах, тогда мы с тобой поиграем в гольф на интеллектуальном поле и посмотрим, чей мяч попадёт в лунку.

В помещении затаилась предательская тишь, как перед оглашением завещания, когда всех мучает одна мысль: что перепадёт мне? И кому достанется больше?

– Да не раздувай ты так щёки, Сима. Меня уже разнесли в пух и прах, подмели и вымели. Я подала заявление по собственному желанию, – сказала Марина и стала собирать свои вещи.

«Завещание» оглашено. Никто ничего не потерял. Наоборот – приобрели! Потенциальную конкурентку убрали с дороги, как кочку, мешающую под ногами.

Всем хорошо. Марине плохо. А когда плохо кому-то, это вызывает выдох облегчения: «Хорошо, что не мне, не со мной и не я на этом месте...»

Атмосфера оживилась. Волны напряжения стали рассеиваться. Коллеги подходили к Марине и навешивали на её трафаретные фразы, типа: «Поговори с Мутей; не руби с плеча, да не переживай ты так сильно; всё перемелется – мука будет...» Уценённый мусор сочувствия.

Сочувствовать легко, даже злодей с удовольствием примерит на себя этот легковесный макинтош.

Марина всё понимала, ведь никто не выразил никого отклика по написанной ею статье. И она делала вид, что верит сочувствию сослуживцев, – сочувствовать всегда легче.

Истинность отношений проявляется в радости. Эти проявления могут быть искренними в семье. Без кривизны радуются за детей, за родителей, за очень близких. А в остальном – даже если всё в шоколаде, удовольствие приносят неудачи других. Жаль. Но это так.

Марина спряталась за столом и была занята высвобождением ящиков. Складывала всё нужное. Ненужное выбрасывала. Она выползла из-под стола и подняла голову. Перед ней стоял Гриша.

– Марина, мне понравилась твоя статья. Ты молодец! Я даже не ожидал. И позавидовал. Я с тобой. На твоей стороне. Не теряй мой телефон. Звони в любое время.

– Спасибо, Гриша! Мне это сейчас очень важно. Если искренне радуешься за других, этот порыв обязательно возвращается, как отзвуки прекрасных нот, аккордов, музыки... Пусть через время, но вернуться. Как ЭХО.

Этот момент был так дорог Марине, и она залила Гришу взглядом благодарности.

«Гриша только ты, никогда ни о чём ни просил, а оказался таким настоящим. А кого-то Марина выручала и сидела с ребёнком, кому-то дала свою машину, а ей вернули с помятым крылом. Марина так и продала авто, потеряв на повреждении, но с друзьями, как она тогда думала, не взяла ни копейки. А с ребёнком Риты Сивцевой бабушка Марины занималась английским и поставила сына Риты на хорошие рельсы, по которым он уверенно покатился под своды МГИМО. Ох, как же Рита заливалась соловьём, что она вечная должница. Но вот как раз от Риты Марина и ничего не ждала. Все знали, что она стучала на всех. Всевидающее ОКО издательства. Она всё видела, всё знала, ничего не пропускала. И при всей своей лакейской сущности всегда вела себя соответствующе достойно. Сегодня она тоже вместе со всеми подошла к Марине, что-то проурчала и уже через минуту, отвечая по телефону, любезно ворковала с кем-то, забыв о Марине. Рита никогда не допускала чьи-то проблемы дальше своей рубашки. Для Риты главное, чтобы её рубашка была плотная, без дыр и потёртостей».

Такси остановилась у её подъезда. Марина подошла к двери. Установила ключ в замочную скважину, но дверь не открывалась. Ключ заблокировался. Она дёрнула дверь и услышала шаги. Дверь открыли со стороны квартиры. На пороге стоял Стас.

– Стас, ну ты хотя бы предупредил!

– Да я только что зашёл.

– Ну а до «зашёл» нельзя было позвонить?

– Извини.

– И З В И Н И... – передразнила Марина. – Вот лишу тебя доверия, и будешь скакать у порога в ожидании хозяйки.

Марина разделась, прошла на кухню и села, как куль, который только что сбросили сверху. Ей не хотелось ни двигаться, ни разговаривать, ни быть «здесь и сейчас».

Стас дал ей время прийти в себя, а потом осторожно спросил:

– Марин, ну ты как? Не томи.

Хотя по виду и состоянию Марины было всё ясно. Но Стас хотел приостановить её погружение в депрессию и стал выводить её из этого вопроса.

– Уволили, – тихо сказала Марина.

– Уволили? – переспросил Стас. – Да не волнуйся ты так, от этого ещё никто не умирал...

Марина подняла глаза:

– Как раз от ЭТОГО и умирают. От унижения, разочарования и непонимания. Умирают медленно и мучительно.

Стас понял, что эта дешёвая успокоительная шелухонь только навредила. И он начал снова и серьёзно:

– Марина! Это победа! Да! Да! Победа! Твоя статья протёрла залежавшуюся пыль и стряхнула нафталин с застарелости.

– Стас, мои близкие – друзья и коллеги, кому я доверяла, – даже не поддержали меня. Ни хвалы и ни хулы. Только Гриша единственный, кому я безмерно благодарна. А остальные ни словом, ни взглядом.

Марина смотрела на Стаса и говорила глазами: «Поддай мне руку, подо мной лёд хрустнул».

Стас почувствовал себя спасителем и рассказал случай с его мамой:

– Когда моя мама работала в школе, отец ей привёз шубу из-за границы. Все учителя, как с тобой, «ни словом, ни взглядом». Сделали вид, будто она пришла в поношенном пальто. А мама не расстроилась. Она знала, что её норковая шуба – просто блеск. И на будущее усвоила, что это желчное молчание – самая высокая оценка самых завистливых недоброжелателей. Будут желчью захлёбываться, но ни за что не похвалят.

Марина смотрела на Стаса и отогревалась. Стас не хотел прерывать нить поддержки и продолжал:

– Зависть. Это низкое и коварное чувство. Но, к сожалению, каждый хоть раз, но испытал это чувство. И когда говорят: «Я никогда никому ни завидовал», – это неправда. Мы люди, не роботы. Только у кого-то более развиты низменные чувства, а у кого-то – возвышенные, человеческие. – Стас говорил тихо и проникновенно.

– Кто-то сказал: *«Время всегда выжидает подходящий момент и срывает маски»*. Сегодня я в этом убедилась, – сказала Марина, доставая кофе из шкафа. – И мне так хочется завить, как Шарик: *«У-у-у-у! Гляньте на меня, я погибаю!»*

– Кстати, а что ты будешь делать со своим Булгаковым? – спросил Стас.

– Я дополню статью подробностями. И в подробностях! Отражу более глубокие смыслы, и это уже будет не статья. Это будет книга.

– Ты надеешься на издание и востребованность?

– Я об этом вообще не думаю. Просто пишу. Хочу выплеснуть свой порыв мыслей и чувств на белые страницы.

Возникла пауза. Стас тоже журналист, много пишет. Но у него никогда не возникало порывов писать бесплатно, для души. Он считал это поражением. Если ты не интересен читателю, мозги дают сбой, и начинают западать клавиши. Стас писал исключительно за гонорары. Причём неплохо. В основном это были заказные статьи, поэтому денежные вознаграждения не заставляли себя ждать. И Стасу хватало на хлеб с маслом, а иногда даже с икрой.

– Ты удачлив, Стас, тебе судьба всегда и везде «соломку подстилает». Ты в рубашке родился, а может, даже в тулупе.

– «От каждого – по таланту, каждому – по судьбе», – процитировал Стас.

– Ух ты! Неожиданно! Это ты о себе? – спросила Марина.

– Да ну что ты. Это о Булгакове, ведь он был какое-то время в опале. Его перо заливало страницы пылающей лавой, а кому хотелось подставлять себя, чтобы превратиться в окаменевшую фигуру, как в последний день Помпеи.

– Булгаков – «совесть времени», честный, принципиальный и гениальный.

– Как он тебя взбудоражил... – Стас начал понимать проникновение Марины в глубину смыслов. Она расчистила себе пространство от ненужных вещей и утраченных иллюзий и восходила к своей вершине без притворства и искусственности. – А на вершине, возможно, образовалось жерло вулкана... И магма злопыхателей проглотит тебя вместе с твоим Булгаковым и пылинки не оставит... – вслух произнёс Стас.

– Я не поняла. Ты меня от чего ограждаешь? Не писать! Да я уже название придумала: «Гипофиз в галстуке». Или ты завидуешь? – спросила Марина с лёгкой издёвкой.

Стас поймал себя на том, что он действительно завидует Марине. «Как ей в голову пришло войти в такой творчески взрывной диалог с Булгаковым». Но вслух сказал:

– Да пиши, мало ли кому что в голову взбредёт.

– Ах! Вон даже как! Взбредёт... – Марина не до конца понимала соображения Стаса.

– Ну не придирайся... А почему «Гипофиз в галстуке»? – Стас стал высвобождаться от сказанного «взбредёт».

– Гипофиз на фоне зон слуха, зрения, движения, чувств, речи – как маленькая клякса. Эта клякса, как солнце нашей Вселенной. Что произойдёт, если не будет солнца? А солнце! Самая маленькая звезда среди желтых звёзд – «жёлтый карлик», и она единственная звезда, вокруг которой вращаются планеты, – сдержанно поясняла Марина.

– Почему среди жёлтых звёзд? А какие ещё есть? – не скрывая удивления, спросил Стас.

– Красные звёзды – гиганты-долгожители, живут триллионы лет, а желтые – до 10 миллиардов.

– Ну слава Богу! На наш век хватит. А откуда ты это всё знаешь?

Марина засмеялась.

– Ты что, шутишь? Это же азы астрономии. Так вот. Гипофиз превратил собаку в человека, вернее, в облик человеческий. И как пишет Булгаков: *«Гипофиз – закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо, облик человека»*. «Гипофиз в галстук», потому что он не собачий, а человеческий. Нарядили в галстук, придавая образу человеческий облик. Преображенный превратил *«милейшего пса»* в *«отвратительную человеческую мразь»*, вшив ему гипофиз Клима Чугункина – пьяницы и хама, имеющего две судимости.

– Марина! А если бы профессор вшил, к примеру, гипофиз Эйнштейна?

– Боже упаси! Мир мог получить не учёного, а ходящего атомного монстра. Да и зачем? Природа контролирует процесс появления гениев, она им дарит колозум, соединяющий два полушария мозга гораздо большего объёма. И этот более широкий «мостик» в мозгах гениев даёт возможность передвижения нейронных связей в обширном диапазоне. Гением можно только родиться. И родиться естественно! А не искусственно! Об этом предупреждает Булгаков всё человечество.

Стас молчал. И тихо, как бы боясь спугнуть непререкаемость мысли, выразил вслух:

– Гипофиз – важный, заявляющий о своей основательности и незаменимости! Гипофиз решает наши судьбы!

– Да! *«Это – в миниатюре – сам мозг!»* – как пишет Михаил Афанасьевич.

Стас помолчал, а потом, глядя на Марину, впал в рассуждения:

– Мы с тобой дожили до времени, когда учёные готовят замену человеческому ресурсу. И называют это искусственным интеллектом. Назвали-то с осторожностью, аккуратно – «интеллект». А на самом деле это мозг. Искусственный МОЗГ! А искусственный мозг – это гибель человечества! Вот о чём предупреждает Булгаков. «Люди решили, что думать за них будут машины, понадеявшись, что станут от этого свободней, но вместо этого они позволили хозяевам машин, поработить их», – это из "Дюны" Френка Герберта? – спросил Стас.

– Да. Мы с тобой никогда ещё не погружались в такой глубокий «заумный» трёп, – угрюмо сказала Марина. – Ты знаешь, Стас, меня мучает вопрос: как Булгаков смог так качественно проявить негатив плёнки нашей действительности и обнажить истинно верную суть? Создать пса и разложить низость натуры на секторы. Сначала пёс Шарик со всей собачьей преданностью и рабским повиновением восхищался своим спасителем. *«Вот это парень, – в восторге подумал пес...»* Это он о Преображенском.

А позже, разнежившись в теплых, уютных и в богатом убранстве апартаментов, да ещё с хорошей едой, пёс забыл о недавно голодном, изломанном, избитом теле. Это счастье он записал на свой счёт: *«Я – красавец. Филипп Филиппович – человек с большим вкусом – не возьмет он первого попавшегося пса-дворнягу»*.

И Шариков возносит себя и относится к своей особе бережно и с уважением:

«Я воевать не пойду никуда! ...воевать – шии с маслом, – неприязненно ответил Шариков, поправляя бант».

Шариков *«...поправляя бант»* ходит в лаковых туфлях и в приличном костюме. Он вознёс себя в исключительную степень «самого наисамейшего и самого наисытнейшего». Бедняге и в голову не пришло, что он просто подопытный.

Филипп Филиппович – умный, образованный, воспитанный, образ которого вызывает чувства непреодолимого уважения, – движением разума и опыта непревзойдённости превращает собаку в человека, а потом человека в собаку.

Учёный форсирует время и отклоняет природу. Профессор извлекает из мозга пса маленький белый комочек и внедряет человеческий. Преображенский надеялся получить триумфальный результат своего научного опыта. Только открытие имеют магнетическую силу притяжения для учёного, и эта сила оправдывает профессора во всех его деяниях.

Во-первых, свою симпатию к профессору, как своему коллеге, Булгаков не сдерживает, он сам – врач. Во-вторых, как красиво и интеллигентно! Очеловечившись внешне, Шариков с усилием стал натягивать на себя корону исключительности. Исключительность – это ТЕБЕ выбирать. А подопытность – ТЕБЯ выбирают!

Шариков как яркий представитель красного пролетариата с гипофизом человека и собачьим сердцем почувствовал себя равноправным гражданином в квартире профессора и стал претендовать на жилплощадь. Профессор Преображенский достиг переворота в науке. Он учёный с мировым именем! И ОН породил Шарикова, как Ленин со своими подвижниками достиг переворота в России и породил Революцию.

– А ты знаешь, слово «революция» – производное от REVOLVE (револв – вращать вокруг оси). REVOLUTION (революшин – вращение). И революция к нам пришла оттуда, откуда слово. Не наше слово, не русское, – Стас задумался. – Вопрос: вокруг какой оси раскрутили мощную силу призыва: «Да здравствует красный пролетариат! Да здравствуют Шариковы и Швондеры!»?

Лозунги разжигали пламя революции. А что было на душе у Ленина и его сподвижников? На душе? Они воплощали наглую, коварную, необратимую по своей истине вероломность, в сердцевине которой – предательство целого народа. А что ИМ? ИМ не нужна сильная и мощная страна, ИМ нужны наши ресурсы – нефть, газ и всё, чем Бог одарил Великую Россию.

У Преображенского получился Шариков исключительным прохвостом. Воровал, врал, да ещё по своей кобелиной сути залез к Дарье в постель и чуть не изнасиловал. Мразь!

На душе у профессора было горько и больно. *«Я хотел проделать маленький опыт... а в результате ... передо мной – тупая безнадежность...»*

Булгаков донёс через века свой гениальный замысел. Революционные настроения он ненавидел. И был прав. Что нам дала революция? Отрыжку изуродованных гипофизов в морали и принципах. Посетители, прикрывая себя положением, деньгами и элитарностью высших слоёв общества, искусно скрывали свои грехи. Ведь уважение и состоятельность профессора основывались на пороках власть имущих. Шариков – это судьбоносное, пророческое вторжение в эволюцию природы. Профессор Преображенский понял, что он обманулся.

Марина сидела с чугунной головой. Ей казалось, что она вошла в какой-то чуждый ей портал «ИЗ ВНЕ». И ей ТАМ так неудобно...

ЧАСТЬ II Послевкусие

В бокале белого вина хозяйничали лучики света, играя сами с собой. Марина сидела на веранде в глубоких раздумьях. Она и не заметила, как, облокотившись на бокал, её подбородок уже несколько минут отмокал в вине.

Она взяла салфетку. Вытерлась. И, глядя на смятый комок бумаги, напоенный вином, вынесла приговор: «Вот моя подмоченная репутация».

Прошло три месяца с момента её увольнения. И её мучит вопрос: как она, в свои 28 лет, наступила на камень, не на тот, от соприкосновения с которым передаётся сигнал и начинает бить фонтан, а камень-пустышку. Порой действия невозможно объяснить, как приступы луна-

тизма. В момент приступа лунатик никогда не сможет сказать, как он оказался на бордюре высотного дома.

Как он там оказался? И ПОЧЕМУ???

Книга написана. Перечитав свои страницы, Марина не очень воодушевилась творением. Уж сильно перегружена реалиями жизни. Как приятно читать лёгкую иронию, приправленную здоровым юмором. Видно, у авторов подобных творений много любви и позитива.

Ну что ж – прекрасно! А как же правда жизни?

А кому нужна эта правда? Вот я сижу на бабушкиной веранде. Ни семьи. Ни детей. Ни работы. Я выброшенная. А значит, никчёмная неудачница. Не место мне среди моих коллег. Они – важные. А важные – значит, замеченные. А замеченные – значит, оценённые.

Марина открыла дверь в помещение, куда «Вход посторонним воспрещён», и переступив эту грань, она оказалась в зоне отчуждённости. Зачем она сюда пришла? Где её бодрое утро с чашечкой кофе? Работа с погружением в обсуждения, общение, чаепитие – ЖИЗНЬ! Где? Всё в один момент, на взлёте – рухнуло.

Приграничье депрессии подкрадывалось к Марине, но отказаться от смысла, вложенного Булгаковым в произведение, покаяться и забыть, попросить прощения у Мути и вернуться в издательство?! Нет, она не могла.

– Мариночка, а тебя пельмешки ждут. Прошу к столу, – послышался голос бабушки, прервавший её рассуждения.

Раздумья Марины переворачивали её нутро с ног на голову. Она уходила в лес, наматывала сотни метров по лесным дорогам. Сидела у пруда и утопала в своих мыслях. Мысли в основном негативные, осуждающие её поступок. После таких четвергований Марина возвращалась к пельмешкам, чаепитию и к убаюкивающим беседам с бабушкой.

– Ну что ты такая грустная? Квартира есть. Машина есть. Запасы продуктов есть. Не грусти! Я видела очень хороший сон. Твоя удача прямо на пороге, – успокаивала Марину бабушка. – Я на тебя бросила карты, – заговорщически произнесла она.

– И что? – не сдержав иронии, спросила Марина.

– Ты совсем скоро свяжешь свою жизнь с очень богатым человеком. Но между вами нет общего ложа. Вы как бы и вместе, и врозь.

Марина промолчала. Она отнеслась к этому предсказанию несерьёзно. Но вслух пошутила:

– Бабуль, наверное, я у тебя кавалера-пенсионера отоблю. Вот и будем спать на разных постелях.

Они просмеялись и пошли пить чай.

А гадание... не заставило себя долго ждать.

Бабушкин дом стоял у большого поля, за которым лесная зона. В этот лес сельчане ходят собирать грибы. Сходишь туда, омоешься живым воздухом и чувствуешь обновление, вроде вынырнул из котла с жизненным эликсиром.

В один день, ставший для Марины значимым, она собралась в поле за иван-чаем. Подойдя к калитке с заднего двора, она увидела мужчину, возраст которого определить было сложно. На нём был пиджак, точно не от фабрики «Большевичка», а туфли и барсетка с полок «Смоленского пассажа». Прикид незнакомца не соответствовал тому, в чём появилась Марина. Она вышла в простых джинсиках, просторной рубашке голубого цвета и синей бейсболке. Спортивный стиль ей шёл, а голубой цвет оттенял глаза. И на фоне этого «пассажа» выглядела она по-своему выигрышно.

– Добрый день, – поприветствовала незнакомца Марина.

– День добрый, – как бы удивляясь, спросил «пассаж», будто спрашивая: «А ты откуда взялась?» И закрыл головой, ища своего водителя.

– Вы здесь живёте? – прозвучал связывающий разговор вопрос.

– Здесь живёт моя бабушка, а я в гостях.

«Пассаж» всматривался в Марину, как в вещь, будто хотел разглядеть – вещь выполнена качественно или с браком. Марина заметила оценивающий взгляд. «Ну конечно, куда уж нам, простым землянам. Вы-то на Луне обосновались. Вон сразу определяется взгляд ИНО-представителя».

Незнакомец обратился к Марине:

– Можно попросить у вас водички?

«Странно. Водички попросил, наверняка у него в машине есть. Точно нужна инфа о чём-то или о ком-то. Затягивает время», – подумала Марина и дружелюбно ответила:

– Да, конечно, сейчас.

Она решила выпендриться. Достала из холодильника запотевшую голубую бутылку «Байкал» 350 мл. Взяла голубой стакан. Салфетки. И всё установила на маленький подносик.

– Пожалуйста, – подавая поднос, спокойно произнесла Марина.

У «Пассажа» глаза вылезли из орбит и запрыгали на затылке.

– Неожиданно. В деревне... И такое комильфо...

– А что неожиданного? К воде надо относиться уважительно. Вода – это основа жизни, в ней эффект солнца.

«Пассаж», привыкший к открытому интересу к нему как к мужчине, решил, что Марина с тем же на него прицелом.

Но Марина взяла поднос и, пожелав «всего хорошего», направилась в дом.

– Мы даже не познакомились. Как вас зовут? – в голосе незнакомца прозвучала растерянность. Он понял, что ошибся. Девушка совсем не стремилась накинуть на него аркан, а вместо этого повернулась и, мило улыбнувшись на вопрос: «Как вас зовут?» – просто ответила:

– Марина.

– А меня Георгий! – крикнул он вслед убегающей Марине. Но ему показалось, что девушка его не услышала.

«Ишь ты...»

Марина занесла поднос в дом, проверила, не забыла ли антикомарин, и отправилась в поле. Настроение её как-то «посвежело». Она вернулась домой и впервые за три месяца открыла компьютер. Это говорило о том, что энергия резко изменила направление и стала вытеснять волновой негатив, очищая её. Это, наверное, как посуда. Грязная, с засохшими объедками, вызывает брезгливость. А к чистой, сверкающей хочется притронуться, взять в руки.

Марина почувствовала, что она начала смывать с себя прилипшие к ней объедки.

Прошло два дня. Марина уже и забыла о «Пассаже», как к их дому подъехал автомобиль марки «Bentley». Вышел водитель и занёс в дом огромную корзину цветов. Это были луговые цветы! Не розы, не гвоздики, а природная красота лугов. Затем он вернулся к авто и принёс ящик минеральной воды «made in Swiss». И когда цветы и вода были установлены на веранде, обратился к Марине:

– Добрый день! Разрешите я занесу в дом?

– Но я ничего не заказывала.

Водитель ничего не ответил. Деликатно отстранил хозяйку и внес ящик с водой и цветы в дом. После чего повернулся к Марине и, сказав: «Всего вам хорошего», – развернулся и направился к машине.

«Надо запомнить номер авто!» И она скачками догнала гостя:

– Я провожу вас. Спасибо, конечно. Но кто вы? Может, вы мне отраву привезли?

Водитель улыбнулся и, уже садясь в машину, сказал:

– Ваш воздух – густой, хоть режь, – вылечит любое отравление. – Сел в машину и уехал, так и не ответив на вопрос.

Марина вернулась в дом и нашла в цветах записку. Опять же, не открытку, навязываемую этикетом, а чистый белый лист, сложенный треугольником. Она развернула конверт и увидела красивый пейзаж швейцарских гор – и ни слова. Только горы, солнце, альпийский луг и вода.

Марина спросила себя: «Может, это рекламная кампания?» И сама же ответила на свой вопрос: «Да нет. Это Георгий. Жест не банальный, а очень даже...»

В этот момент появилась бабушка.

– О! Это от мамы посылка пришла? – спросила Екатерина Павловна.

Мама Марины Рита Леонидовна уже пятый месяц жила Сербии с Сергеем Викторовичем, вторым мужем. Он дипломат. С первым своим мужем мама Марины была в разводе, он ушёл из семьи, когда Марине было 5 лет. Она его почти не помнит. Мама удачно вышла замуж и не волновала дочь воспоминаниями. Марина с мамой была постоянно на связи. Рита Леонидовна звонила, отправляла посылки и раз в три месяца навещала семью.

– Ну что ты молчишь? Посылка от мамы? – повторила вопрос Екатерина Павловна.

– Нет. Это Георгий.

Екатерина Павловна замерла.

– Я что-то пропустила?

И Марина рассказала о встрече со свалившимся с Луны незнакомцем.

– Ну вот! Мои карты не врут! – зарделась бабуля.

Марине было странно слышать от образованной и продвинутой бабушки о гадании, только не по руке, а по картам. Но она не подала виду, чтобы не подорвать настрой веры и надежды «пророчицы».

– Всё верно. Только он далеко не пенсионер, а мужчина зрелого возраста. И очень даже ничего. А твои карты предсказали жизнь, как сорок лет спустя. Зад к зад или стена к стене.

– Н-да... Постели между вами... Странно. Но карты не могут врать. Надо ещё погадать, – не успокаивалась Екатерина Павловна.

– Ладно, – засмеялась Марина, – будем ждать кавалера ордена «Золотой свадьбы» с золотым унитазом и золотыми вензелями.

– Титулованного? Правильно! А то что толку, петушок-то будет петь да кукарекать, а яйца должна нести курица.

Бабушка с внучкой ещё поразвивали тему, нахохотались и пошли пить чай с пирогом. Вот такие между ними были доверительные отношения. Они могли позволить себе поговорить и о кексе, и о сексе.

После смехотерапии с бабулей Марина вернулась к компьютеру. Открыла файл книги «Гипофиз в галстук» и замерла в мыслях: «Буду ли я издавать эту книгу? Нет! Издавать ступок противоречий – пороков с талантами; воспитания с безнравственной лживостью, разрухи физической с разрухой духовной. Где после каждого ДА стоит НЕТ и после каждого НЕТ стоит ДА. Злопыхатели поверхностных побед накинута, как борзые на зайца. Схватят и поволокут на эшафот». И Марина представила, как её ведут в красном бархатном платье, как в XVI веке вели на казнь Марию Стюарт – гордую и непреклонную. Сбежалась толпа. И все с жадностью ждали расправы. Жаждали крови.

Вдруг Марина вспомнила изречение, которое произнесла венценосная королева перед казнью: «В моём конце – моё начало!» Внезапно нахлынувшие мысли впились в сознание и заставили Марину вдуматься в глубину этой пророческой внезапности.

Откуда? Из какой зоны моего мозга выплыло это? Или КТО мне пророчит? Булгаков? Вселенная? Или г и п о ф и з?

Утонув в своей задумчивости, Марина не заметила, как к ней подошла бабушка и тихо сказала:

– Ты когда в Москву?

Марина, ещё не выйдя из-под действия «В моём конце – моё начало!», замерла в безмолвии. Она мыслями пробиралась сквозь густой туман. И в конце затянувшейся паузы молчания взглянула на Екатерину Павловну и спокойно ответила:

– Сегодня. После обеда.

Во взгляде Марины отразился весь сумбур её мыслей. Она пыталась разобрать всё по файлам, но не получалось.

– Марина, что с тобой? – спросила Екатерина Павловна

– Да нет, нет! Всё нормально.

В своей квартире в Москве Марина появилась под вечер. Позвонила Стасу.

– Я дома.

– О! Прекрасно! У меня на завтра 2 билета в Малый театр.

– И что там?

– «Собачье сердце».

– «С о б а ч ь е с е р д ц е»? – протяжно переспросила Марина. – А с кем ты собрался идти?

– С тобой.

– А как ты узнал, что я возвращаюсь в Москву?

– Екатерина Павловна сообщила.

– Бабушка???

– Да! Я звонил.

– Вот Штирлиц. А мне ничего не сказала.

– Это я её об этом попросил. Люблю эффекты внезапности.

Стас попытался напроситься к Марине в гости, но она отказала:

– О, нет, я ещё в своей скорлупе, которая, похоже по моему состоянию, ещё больше затвердела. Давай позже.

Марина закончила говорить и быстро открыла компьютер. Она неудержимо хотела узнать, КТО владелец «Bentley». Но поиски оказались напрасными.

Марина позвонила Грише. Он не раз выручал её по таким вопросам при журналистских расследованиях. У Гриши был друг, который имел возможность вытащить «...иголку из яйца...»

– Выручи меня, пожалуйста, – быстро заговорила Марина, даже не поздоровавшись.

– З д р а в с т в у й, Марина!

– Ой-ой-ой! Здравствуй, Гришенька! Мой дорогой! Мой хороший друг! Ну извини, что в спешке, и сразу к делу.

– Ну ты даёшь, Маринка! Ни тебе «здрасте»!

– ...Я в полёте за уткой... передаю яйцо с номером автомобиля и прошу тебя найти, ЧЬЯ жизнь на конце спрятанной иглы... – шутливо протараторила Марина свою просьбу.

Гриша засмеялся и подтвердил готовность помочь.

– Давай отправляй данные – номер, модель, цвет! Постараюсь по-быстренькому к тебе вернуться.

– Гришенька, я тебя целую...

Утром следующего дня от Гриши на WhatsApp пришло сообщение и застало Марину со стаканом сока. После свежесжатого сока начинался завтрак, который заканчивался кофе. Но Марина забыла и про яичницу, пожаренную с помидорами, и даже про кофе. Отправив Грише message с благодарностью, она в пару скачков оказалась на диване у компа.

Значит, владелец «Bentley» – Гремучий Георгий Станиславович.

Марина загрузила в поисковик данные владельца и примагнитилась к экрану. В анонсе одного из сайтов выплыло: «Компания «GJS» Главная. Генеральный директор – Гремучий Георгий Станиславович». С экрана на Марину смотрел Георгий.

– Угу... значит, Георгий. Джордж, – перевела на английский Марина. – Ну что ж, Джордж так Джордж. Владелец заводов и пароходов...

Марина знала размах этой компании – недвижимость по Москве и Московской области, 5* спа-отели и базы отдыха, центры эстетической красоты и, вероятно, ещё то, чего она не знала. Да и знала она об этой компании от Стаса, ему была заказана статья о высокосексуальных базах отдыха, доступ к которым только на вертолёте. Стас показывал Марине виды – красота необыкновенная. Отели разбросаны по всей России – это Камчатка, Байкал, Алтай, Кавказ и Кольский полуостров.

Марина задумалась. «Интересный, богатый, возраст в яблочко. Зачем я ему? Может, ему нужен личный писака!?»

– Н Э П О Н Я Т Н О, – произнесла Марина.

Прошла неделя. Другая. Марина вытягивала из памяти все подробности встречи с Георгием. Разговор с ним... цветы... вода... и молчание.

«И чем же он меня возвращает к себе? Силой. Человек, достигший такого благосостояния, не может быть слабым. У него свои высоты, свои риски и свои призовые барьеры», – спросила себя Марина и сама же ответила.

Зазвонил телефон. Это был Стас.

– Марина, привет! Ты дома?

– Ещё да, но почти на выходе. Еду в деревню.

– Возьми меня с собой? Я так давно не видел Екатерину Павловну.

Марина задумалась. «Екатерину Павловну он не видел. Вот хитрец». Она совсем не рассчитывала на общество Стаса. Она ждала Джорджа. И ничего не могла с этим поделать, будто какие-то флюиды забирались в её сокровенность и щекотали самыми немыслимыми фантазиями.

– Извини, Стас, я хочу побыть одна.

– Да что с тобой? С каких пор ты стала любить одиночество?

– Да, я хочу побыть сама с собой. Это всё, что у меня сейчас есть, – и положила трубку.

Марина сама не понимала своего состояния. Она будто погрузилась в путешествие во времени и переходила мост от своего привычного берега к другому, ещё не разгаданному.

Она заехала в гараж. Взяла сумку с ноутбуком и помчалась к бабушкиному дому.

– Бабуля, я дома!

– Заходи, заходи, моё солнышко!

В доме стоял яблочный запах.

– А что ты делаешь? – спросила Марина.

– Пастилу из яблок. Вкуснятина необыкновенная.

– Ух ты! Попробуем! Только я за телефоном сбегая, в машине забыла.

Марина вернулась, взяла сумку, которую оставила на веранде, и открыла дверь. Прямо перед ней, стояла бабушка, и её удивлённый взгляд был направлен мимо Марины.

– Бабуль, что-то случилось?

Но Екатерина Павловна молчала. Марина занесла сумку, поставила и обернулась. Напротив, стоял Георгий.

– Здравствуйте... – медленно и почти шёпотом произнесла Марина.

– Здравствуйте, Марина!

Георгий деликатно обошёл девушку и обратился к бабушке:

– Екатерина Павловна, разрешите с вами познакомиться! – Он подал женщине букет розовых роз.

– Очень приятно. Проходите, пожалуйста, – Екатерина Павловна пригласила Георгия в дом.

Обстановка и интерьер говорили об интеллигентной порядочности. На стенах висели удачно выполненные копии картин художников XVIII века. Красивые вышивки. Над пианино разместились семейные фотографии в старинных рамках. И добротная мебель! Выполненная настоящими мастерами. Сейчас такую не купить. Горка была наполнена фарфоровыми статуэтками. На самом видном месте стоял красивый сервиз.

«Это мейсенский фарфор XVIII века. Я не могу ошибиться», – подумал Георгий.

– Как у вас мило. Очень уютно. Прямо чувствуются тени глубокой старины, – с лёгкой задумчивостью сказал он.

Екатерина Павловна приняла похвалу сдержанным кивком. И пригласила гостя к столу.

– Это пастила из наших яблок, свежеприготовленная.

– О! Как вкусно! Ничего подобного раньше не пробовал, – восторгался Георгий.

– Да... бабуль, ты прямо кудесница, – Марина впервые пробовала пастилу бабушкиного приготовления и искренне нахваливала десерт.

– Мне очень приятно. Угощайтесь на здоровье.

За столом сохранялась непринуждённая обстановка. В поведении Марины и её бабушки большими мазками проявлялись воспитанность и образованность. Чаепитие проходило ровно и спокойно.

Через какое-то время Георгий встал, поблагодарил за гостеприимство и откланялся. Марина вышла проводить гостя. У калитки он развернулся к Марине и сказал:

– У меня есть возможность посетить остров Валаам на комфортабельном судне.

Марина много сведений вытащила из интернета о Георгии и точно знала, что никакой опасности он не принесёт. Она почувствовала, что сейчас последует приглашение, и не ошиблась.

– Не желаете составить мне компанию?

Просидев три унизительных месяца у себя в Москве и у бабушки в деревне, Марина почувствовала, что она не то что на Валаам, а хоть в избушку на курьих ножках, только бы обстановку сменить. И на вопрос Георгия «не желаете ли?» спокойно ответила:

– Желаю.

Ответ её прозвучал без позёрства и кокетства. Это удивило Георгия, и он ещё более утвердился в своём выборе, что именно с Мариной посетит Валаам.

– Ну и прекрасно! Завтра в семь утра за вами заедут. Будьте готовы! Да, и паспорт не забудьте! – сказал Георгий. Потом развернулся и направился к машине.

Марина стояла, как после распиливания иллюзионистом. Положили, распилили. Собрали и представили в полной целостности под бурные аплодисменты! Придя в себя после эмоциональной распиловки, она проанализировала свой пакет трёхдневного путешествия. Маникюр и педикюр она освежила в Москве, голову помыла вчера, а прикид для подобного рода турне имеет здесь. Замечательно!

Марина поднялась в свою комнату и стала пересматривать свой гардероб. За этим занятием застала её Екатерина Павловна.

– Ты что, уезжаешь?

– Бабулечка, меня пригласили посетить остров Валаам, – сказала Марина и поцеловала Екатерину Павловну.

– Георгий пригласил?

– Да.

– А что ты о нём знаешь? – взволнованно спросила Екатерина Павловна.

– Да в принципе из его личной жизни ничего. А о его деятельности... вот распечатка. Гремучий Георгий Станиславович – генеральный директор компании «GJS». Почитаешь? Ну что ты так смотришь? Отказаться? Не ехать?

– Да нет... но всё так неожиданно...

– Так сама же нагадала, – засмеялась Марина.

– Ну да... а когда едешь?

– Завтра в семь утра.

– З А В Т Р А??? – Екатерина Павловна не понимала, радоваться ей или грустить.

Машина подъехала к дому вовремя. Марина вышла в яркой розовой куртке с квадратами лимонного цвета, белых джинсах и бейсболке. На ногах высокие кроссовки тоже розового цвета, с лимонными шнурками. Она держала в руках спортивную сумку – белую – и сумку-клатч, тоже белую. Цвета были яркие, но в таком гармоничном сочетании, что не утомляли взгляд, а, наоборот, вызвали лёгкость восприятия.

Из машины вышел уже знакомый Марине водитель. Это он привозил цветы и воду. В этот раз он протянул руку и представился:

– Сергей. Здравствуйте, Марина.

– Здравствуйте, Сергей.

Водитель взял сумку и положил в багажник, потом открыл заднюю правую дверь и пригласил Марину в салон.

– Мы направляемся в аэропорт Внуково, – ответил на вопросительный взгляд пассажирки, предупредив её вопрос, и добавил: – По пути заедем в офис Георгия Станиславовича. Вылет в 12 часов.

Машина остановилась у двухэтажного здания на Кутузовском проспекте, расположенного сразу за ТТК. Марина вошла в офис. Работая в издательстве, в каких только она помещениях не была. И с её «довеском хорошего воспитания» она держалась достойно.

Георгий встал из-за стола:

– Добро пожаловать, Марина!

Он отметил, бело-розово-лимонную гамму, подчёркивающую свежесть и молодость девушки. И ещё что-то неуловимое. Для Георгия это оставалось загадкой. И когда он её увидел, в очередной раз подумал: «И что же в ней такое, что мне хочется быть с ней рядом – разговаривать, наблюдать за её мыслями, взглядом...»

– Вам необычайно идут яркие тона. А-а-а-а, я понял. У вас лицо совсем не нагружено косметикой. Ваше естество уравнивает яркость.

– Ну если, наклеить ресницы, припудрить щёки розовым и губы одеть в цвет бордо, то подборка цветов завершала бы облик попугая.

– Точно! – Георгий засмеялся. Он ценил юмор. – Марина, а давайте на «ты»?

– Я не против.

– Вы... ой, ты... паспорт не забыла?

Марина открыла сумку и передала Георгию паспорт. Зашла секретарь и принесла кофе с необыкновенно аппетитными пирожными.

– Ирина, – обратился Георгий к секретарю, – передай данные этого паспорта нашему куратору во Внуково.

В аэропорту их ждал частный бизнес-джет. Для Марины это была вторая поездка на таком самолёте. Первый раз она летала в Баку, в командировку с владельцем частной нефтяной компании. Посему представление о необычности антуража элитной прослойки она имела. Вошла в салон, как в свой, без квадратных глаз и восторженных вздохов.

А Георгий ждал и незаметно наблюдал за Мариной. И, к его удивлению или разочарованию, Марина ничем себя не проявила. Она сдержанно принимала сервис, сильно отличавшийся от рейсовых полётов, и спокойно просматривала меню, сделав выбор и заказав рыбные деликатесы и бокал белого вина, она сняла кроссовки и надела тапочки. Всё смотрелось так, как будто она через день летает на бизнес-джете.

Георгий не удержался и спросил:

– Тебе нравится?

– Да. Конечно. Целый час я буду находиться в состоянии исключительности. Частный самолёт обеспечивает привилегированность, где «всё включено», а обычный – обычность, где «всё выключено», – ответила Марина.

Ответ убедил Георгия, что летит она в бизнес-джете не первый раз. Но спрашивать не стал, он умел блокировать глупые, никчёмные вопросы.

Марина откинула сиденье и закрыла глаза, дав понять, что хочет побыть наедине с собой. «Ну что, Михаил Афанасьевич! Осуждаете! Красиво я отбивала барабанную дробь принципов. А только поманили... цветы, водичка из Швейцарии... олигарх в чётких линиях... А ведь он-то живет по своим принципам "всё включено", а значит, и я в этом пакете...» И Марине захотелось лететь и лететь, и повторять, и повторять: «...не ищи меня, мать, пошла ночь обнимать...»

Георгий будто прочитал её мысли и прервал булькающие фантазии:

– Марина, ты не волнуйся – и на яхте, и в отеле у тебя будут отдельные апартаменты.

Она открыла глаза и с глубокой нежностью и благодарностью, чуть слышно сказала:

– Спасибо.

Стюардесса подала еду в красивой посуде, разложила приборы и наполнила бокалы. Марина подняла бокал и произнесла тост:

– Я хочу выпить за момент, когда вы выросли как из-под земли напротив нашего дома. До сих пор не могу понять, где были ваши водитель, секретарь, охрана и корзиночка с водой и салфетками. – Она улыбнулась.

– Да все они были в поле досягаемости. А я подошёл к тебе – сам! Мне необходимо было наладить связь с жителем деревни и выведать настроение. Нет ли протестов против постройки коттеджного посёлка. Это, конечно, всё решаемо, но совсем не хочется каких-либо вздрагиваний и сотрясений.

– А... так я у тебя высокооплачиваемый стукачок.

– Ну почему сразу стукачок. Информатор. Давай выпьем!

Они выпили. Но Марина не успокаивалась.

– А что, между стукачом и информатором есть разница?

– Да нет никакой разницы. Но тебя это не касается. А если бы я тебе позвонил и спросил: у вас в деревне дождь или солнце? Просто мне нужно было знать, как к строительству коттеджного посёлка относятся жители.

– Да я тебе сразу скажу, народ недоволен.

– А мы народу поможем провести газ в деревню и вообще наболевшие вопросы поможем решить в кратчайшие сроки.

– Ну класс! Как же я вовремя вышла иван-чай собирать, – засмеялась Марина.

– А я выпью за то, что ты действительно вовремя вышла.

Непринуждённый и лёгкий разговор отвлекал их, и они не заметили, как самолёт пошёл на посадку. После этого они переместились в вертолёт.

– Марина, на Валаам мы отправимся завтра. С раннего утра. А сегодня заночуем в моём отеле у озера.

Марина молчала, она не могла принять столь быстрое развитие событий после трёхмесячного затишья. Будто она на аттракционе. Поместили её в прозрачный шар и начали крутить... А где голова, где попа, она сообразить не может.

Вертолёт приземлился в сказочно красивом месте. Карелия сама по себе очень красивая, а здесь почти девственные места. На машине не добраться, только на вертолёте. Отель небольшой, построен из дерева. Архитектурное решение настолько привлекательно, глаз не оторвать. Вокруг беседки с мангалами. Разные деревянные скульптуры. А рамы террасных ступеней выполнены из дерева и заполнены щебнем розового цвета. Очень красиво! И озеро – чистое, как слеза, в обрамлении характерных для природы Карелии сосен, укоренившихся на скалах. Стоят гордо и непреклонно.

Красота пейзажа ещё больше взволновала Марину. «Господи, и куда меня занесло. Я этого Георгия вижу третий раз в своей жизни. Ох! Дура я, дура! Надо смс-сообщения отправить Стасу и Грише». Она выразила восторг сказочным местом и взяла мобильник.

– Марина! Здесь нет связи. Нет телевизоров. Нет никаких коммуникаций. Это место отдыха от напряжений цивилизации.

– А если произойдёт непредвиденный, экстренный случай?

– Вертолёт. Полчаса, и ты уже в зоне всех доступных ресурсов.

– А электричество, горячая вода?

– Ну, конечно. У нас установлен генератор, – успокоил Марину Георгий и добавил: – Ты не волнуйся, это не похищение. Тебя сейчас проводят в номер, и до ужина ты свободна. Если захочешь прогуляться, в номере телефон – набери «07», и тебя сопровождают. Одна в лес не ходи!

Георгий сам взял сумку Марины, и они зашли внутрь. В холле Марина почувствовала устойчивый запах дерева. Горел камин. Массивная мебель, как страж, гармонично заполняла пространство. По углам стояли напольные светильники в виде керосиновых ламп. На столах свечи, а на полу натуральные циновки. Интерьер отеля располагал к отдыху.

– Я не к трём медведям в гости попала? – стараясь шутить, спросила Марина.

– Насчёт трёх не знаю, но к одному, пожалуй, попала, – хотел отшутиться Георгий, но, увидев реакцию Марины, быстро перешёл на спокойный, успокаивающий тон. – Да не волнуйся ты так. Ну хорошо, я тебя отведу в радиорубку, и ты отправишь радиogramму в Москву для бабушки.

Марина посмотрела на Георгия и почувствовала, что он не передаёт ей каких-либо тревожных сигналов, поэтому решила не разгонять волну:

– Да нет, Георгий, я просто устала немного. Пойду отдохну.

Георгий передал сумку мужчине неопределённого возраста и с лицом типа нашего Дмитрия Дюжева. И, откланявшись, напомнил:

– Ужин в семь. И в лес – только с Дмитрием.

«О, так он ещё и тёзка Дюжеву», – подметила Марина и с улыбкой ответила:

– Ясненько.

Её номер оказался просторным и уютным, выполненным в стиле единого дизайна.

– Вы не желаете какой-нибудь перекус? – спросил Дмитрий.

– Да, пожалуйста, принесите мне травяной чай, ну и бутербродик...

– Хорошо, минут 25. Устроит?

– Вполне.

Марина приняла душ. Надела халат. В дверь постучали. Дмитрий принёс горячий чай, горячий белый хлеб и в глиняном горшочке домашнее масло. Марине показалось, что ничего более вкусного она не ела. Аромат чая, аромат хлеба и аромат свежего и вкусного масла просто сносил башку. Перекусив деревенскими деликатесами, она нырнула в белоснежную постель: «Посплю часочек и потом пройду к озеру... И всё же я не могу понять... Зачем я Джорджу? И опять. Почему я?»

Марина проснулась, привела себя в порядок и вышла на территорию отеля. Озеро, находившееся метрах в ста от отеля, манило искрящимися бликами, будто подмигивало и звало

к себе. «Ну здесь же совсем рядом, не буду я никого беспокоить, пройдуся», – убедила себя Марина и стала приближаться к озеру. Она подошла к берегу, поднялась на пандус и прошла вглубь. Стоя у борта пандуса, она как зачарованная любовалась красотой этого дикого озера, смотрела на рябь воды, которая собиралась в разноцветные танцующие звёздочки, вытягиваясь в свой мерцающий путь. Красота природы приворожила Марину, и она замерла, глядя в даль этой глубинной чистоты. Стояла и большими глотками вдыхала чистоту, как вдруг услышала шорох и боковым зрением заметила что-то большое, буро-коричневое и живое. Марина повернула голову и увидела у берега медведя. Он стоял и пил воду. А она одна на краю этого деревянного помоста. И сейчас, в этот момент, расстояние от озера до отеля в сто шагов показалось ей непреодолимо далёким. Она хотела убежать. Но увидела, как на пандус заходит другой медведь и лёгкой трусцой направлялся к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.